

Образы тех лиц – в границе строчки

Автор:

Срибная Злата Алексеевна

МБОУ "СОШ № 6"

город Батайск, Ростовская область

Подёрнут пеленой сонливой взгляд –

Он ускользает.

Не стоек в облаке ночном,

При лунном золочении нисколько не крепчает.

Пространство разрезает

И тени в образы влечёт: ...

Портянки в сапогах. Неряшливо заправлены.

Шинель пологом закрывает их.

Запахнутая только сверху.

Подсумок точно с левой стороны,

Винтовки очертанья со спины.

Стоячий воротник и подбородок некрутой,

Остреют скулы,

Нос блестит;
Немного в высь – немеет образ.
Застопорился ток мышленья,
И не имею представленья, –
«Ну каковы его глаза?»
«Похожи ль на мои, смотрящие на образа?»
Наверняка, в них благородства как с плакатов:
Упорство век, уверенность зрачка и радужки там чистота, – да, пусть будет так.
Не тотчас то лицо теряло жизни облик,
Не в миг, когда была совершена ошибка;
Забвение несло жизненное обстоятельство.
И следуя всем знаменательным летам,
В тот раз и многие другие
Ходила в тех местах она.
Не в ситцевых пальтишке и платишке,

Немного лучше, – пожалуй, это замечанье верно.
Перцепции процессы и памяти винты,
Движений совершив чуть больше сердца,
Воссоздавали с постепенностью – воспоминаний образы
С закравшейся второстепенностью.
И обличала их в слова,
На сердце размещала,
А сердце доставала, –
Табличка с просьбой то была:
Искала милого знакомого она.
Знакомец тот знакомей был ей многих,
Как следствие, знакомых черт не находила в прочих.
Касалась черт его, теперь далёких,
Схватив в томительном волнении
Себя за подбородок.
Ведя себя нарочно по тонкой грани бременного времени,
Влеклась осознанным стремлением остаться во всеобщем недоумении.
Когда кренило вбок плотину легковерия,
Отчаянно боялась, молилась набожно, как никогда.

Однако движима была,
Покуда живость сохраняла.
Избрав благую цель в угоду богу,
Ведь заповедь давал и жизни наставленьё
Просить прощенье, в ноги лечь;
Считала за такое поведенье нужно сечь, —
Терять самообладанье - смертный грех.
«Лишь бы не сейчас, не в это время,
не теперь и не тогда, в тот раз и в этот...
А следующий наступит?»
И повторялись те слова —
В них суть была,
Суть ситуации и жизни, —
Концовка жизни.

Завистливо глядела в окна иногда,
Когда те были дома иль в «гостях»,
И зависть относилась
К мальчишкам во дворах.
Из всяческих углов неслись,
Несли ирис «Кис – кис» , – ещё он бы в достатке,
Розовощёкие мячики - мальчики.
«Оружие» своё сложили в стороне покамest
Важно, – уточненье это тоже важно.
Вниманием вовлечены в бесед веденье,
Младого интеллекта происки и душ горячих разговоры,
Всё об одном —
О том, как вредность эту победить.
Контрастов здесь волненье,
Точнее там, внизу, у них.
Восторг, фантазии движенье,
Началам изменений восхваленье
И жизни всего лишь место отправленья, —
Игривых этих лиц вы не найдёте,
Не в после время, не сейчас.

Придумаете.
Разве что за раз.
В воображении найдутся,
По вкусу каждому придутся,
Пусть образ в раз надумается,
И личный взгляд придумается
О вредности той страшной,
Ирисе вскорости пропавшем
И мальчиках ещё не павших.
Но не теперь, не ей,
Не всем вокруг и не им тоже, –
Задержки осознания действие,
Так сладостно недоумение,
Ведь слово «плохо» – стихотворение.

Остроты осознания опротивели, осточертели,
Острей больно правда и выглядит судьбы насмешкой;
Напали, исполосовали – истлели и исчезли.
Не дома позже, но в «гостях»,
У разных, у кого придётся,
Окон имеющих и без,
А впрочем, – всюду –
Народный Голос – известник бед,
Не различала в нём эмоций
Поражений и побед.
Начало жизни, середина, зрелые года –
Значение пропало и положение изменилось.
Как в странно страшной сказке иностранной,
где явь лишь сон и больше нету ничего.
Неявные, неясные там фабулы движенья,
Магические аль цирковые,
Однако знаем, что иные.
В их масках цвет, узоры, блёстки роковые,
И всё бегут, несутся, мчатся и летят,
Спешат подмять, убить и уничтожить вовсе,

Но прежде всё - таки унять
Характер русский.
Немного раньше умирала в тех условиях душа,
Чуть раньше тела,
И настигала та хандра любого, каждого –
Без отступления, без исключения.
Плением становился ум воспоминаний светом,
Образов колейдоскопом с блеском.
Здесь времени и расстоянья парадокс, –
Распалась жизнь, остановилась на приставке «во»,
Осталась где - то «до», ещё подальше «после».
Не совмещались обстановки вовсе – тогда и после,
Сейчас лишь проживание, возможно выживание, – да, пусть так.
Ведь сердце кровоточит и сильно больно так.

Она бежала к жизни, хваталась за неё,
Раз бег в стенах её законом запрещён.
Не говоря всех слов и, в частности, одно –
«тогда», она спешила напрямиком туда, не к «после».
Настиг удар, – она тогда и я сейчас, рассказчик,
Мы констатируем лишь факт,
В его пришествии никто не сомневался,
И суеверий малость в душе собралась,
Затаилась: «Вдруг нет его уже, Знакомца».
Он был убит. При жизни.
Скажут позже новости заметки:
«Своим же атипичным отношеньем».
Но не читала новостей она,
И было невдамок ей о ненаписании, –
Ведь не сочтут:
«Ну, сколько их, несчастных душ?!»
Да в общем и не важно, ведь она всё знала.
Знамение, Провиденье и хмурый Бог,
Звёзд положение, погод расположение
Уверовать в готовности была.

Заветны линии его руки, особенно милы,
Он улыбался,
Показывал и говорил, что ближе к краю возвращался,
А дальше снова и по - новой жить.
Растерянность терзать устала,
Покой разбитому уму оставила
И больше не искала
Момента, как драма в их вошла судьбу;
Фатальные настрои
Отношения расстроили.
Из меньшенства возможных встреч
Свершить возможность для одной была,
И неприлежных рассуждений стопку – в печь,
Решительность, наоборот, с собой, в карман, назад;

Увидеть милое лицо, и с чувством тем же,
Она скорей, наверное,
Без промедлений и сомнений
Уверенность, упорство, храбрость, силу обретёт.
Свободу в действиях приобретёт,
Свой вклад к освобождению вносить начнёт,
И ждать ей станет легче.
Спокойствие его лица и безмятежность речи
В минуту успокоили её, ничуть не беспокоили,
Вину забрали.
Фатальных настроений торжество –
Устроить стол, но нет варений,
Отчасти в тягость ожиданье.
Ей показалась эта мысль страшной –
Отпустить, не смела внутренне она,
Переживаний море –
К шагам за дверью – то обман,
И ноги не несут. Нет, лучше – в узел,
Сложить, по стенкам разложить,
Снести по дерево Руси,

Земли Хранитель,
Воспоминаний там обитель.
В простом движенье рук, в бессильном гневе
Скупое монотонное движенье,
Закопан под осиной узел,
воспоминаний тяжкий груз.

Поверить в изречение её
В достатке тяготение моё;
Порыв души как отклик,
Воображенья лик.
Замечу краем зрения цветную тень:
Знакомо платье, причёски гребень;
Рассказывать историю, нет сил, молчать,

Открыть окно и закричать: «Да вот же твой знакомец!»

Бледнеют лилии в саду,
Веду свой взгляд: мертво пространство.
Затягивает зрение и щёки обжигает,
Лиловые слёзы от свечи, мешают плёнкой в горле.
Знакомые знакомцы, ко мне прийти
им невдамёк без лишних ритуалов.
Я понимаю и уповать я перестану,
Перекладывать вину не стану,
Ведь я их оживляю и вольна задавать им ход.

Ни путь проторенный,
Ни обществом одобренный,
Ни сорт, ни срок, – тут мерок подходящих нет.
«Дорога жизни» в этом случае одна –
Воображения, – пусть будет то река.

И вера моя подходяща,
Настолько же неистова, чиста, возможно благородна.
И подтверждение тому прходит – лиловые слёзы на моих щеках.
Признаться стыдно, больно, страшно,
Не связаны мной с вами вы со мной,

Со стороны как поглядеть,
Наверно многим – абсолютное «ничем»
Эмоций фон мой пуст,
Он чувством обделён,
И если в граммах сосчитать, – займусь,
При этом я найду немного пыли, – пусть в этом будет суть:
Я не имею с вами прочих связей:
Материи, духовности и физики соприкасаний.
Однако, к счастью, ум мой мягок и текуч,
Я просвещаюсь, к тому же святость познаю,
Влиянию общественному поддаюсь,
И все его обязанности признаю,
Потребность развиваю
Нести свой персональный тяжкий груз
Воспоминаний память про союз
(непобедим его народ).

Потерян пульс – утрачено биенье сердца,
Приобрело оттенок вдохновенья
Нелепое бескровное лицо:
Осунувшийся подбородок,
Рассечённый уголок губы
И две гнилые щёлки,
О, Слава Богу, без огня вражды.
Но что же вижу я, и видят ли другие?
Неявные для них, но ясные для наших глаз
Узоры.
Украшена бантами эстетизма,
Сплошные декорации трагизма –
Всё возрождаема к бывалой жизни поколений вереницей.
Народной мудрости слова,
В них слава – не прах, но жизненная правда;
Берут и с облегчением вздыхают
В любое торжество словесности,
Не прогадают, о размещении предполагают,

Но эпилогом не возьмут, – и это тоже правда.

Пролог жесток и он калечит,
Когда возможно к жизни применение;
Время летит и всё же «лечит»,
Вещей, людей – не станет,
Воспоминаний - образов о них,
Похоже, «в воду канет»
И обстоятельств правды дефицит,
Как следствие, внутри саднит:
«учёности» пусть след, а горожанам – память.

Не получили – создадим,
А получив неполное, – домыслим.
Не нужно горестно смотреть,

С упрёком коротко вздохнув,
Пусть свету отдадут,
Вдруг кто-то,
Отдушину найдёт в тех небылицах.
Романтизируя, ну что вы знаете о лицах?
Напасть сия в сторонке горделива, немолчалива,
Популяризации иль забытье не знает
И ни на метр ближе не осведомлена, –
Имеет место быть всегда.

«И я, рассказчик, сторонний наблюдатель,

И я романтизирую,
Ведь письмо пишу,
Ведь я романтик; признаться не боюсь:
В душе романтик я, эстетика в моей груди».

О том, как правды поиски трудны,
Я петь не стану.

Романтику читать, писать и почитать,
О правде знать, но не кричать,
Ей нет здесь пустых мест.
Театр мало связан с жизнью посетителей,
Но в ней он частый гость.

Чувство лёгкое тоски по залу расплзается,
В духовных составляющих людей наполовину уплощается.
Живые люди – не удел, свет улиц за дверьми не тянет;
В их масках - образах хоть сколько,
И всё же больше жизни,
Уводит за кулисы, манит –
Воспоминаний то чертоги.
Отнять и поиграть, затем, конечно, возвратить –
Какое потрясенье;
Отнять – забрать навечно, –
Не в силах воскресенье, их не вернуть.
Родная жизнь как будто в прошлом,
Оттенок чужеродный.

Возгласы нынешней жизни не шевелят карточки.
Образы прошлой жизни страшнее смерти.

Бумаги у меня в достатке,
Да ценны среди них не все, –
На каждую письмо не ляжет,
Поэтому и мысль у меня в узде;
Беседа без ответа,
Вопрос в один конец.
Да собеседник мой чудесен,
Особых пожеланий он не мнит:
Вопрос и поясненье,
А ниже вроде бы ответ, расположу
Без посторонних рук,
И выгода здесь есть –
Конвертов у меня не перечсть,
Но он не нужен,
И сверху указания пустеют.
Не покраснеют щёки, если я спрошу:
«Как не почесть за трусость?»
Достаточно понятно поведенье.

Тогда сочли, сочтут сейчас,
Потом упомянуть не посчитают нужным.
Подходит следующий вопрос,
Неподходяще то определенье:
«Возможно ли устать,
Усталость может быть как проявленье?»
Сбить ноги в кровь,
А в мышцах напряженье занять
И лихорадки, ладно уж, давление стерпеть,
Не сдаться в плен и оказать сопротивленье,
Пленяемы сейчас, живём весны мгновеньем;
Воспоминаний угрожающий масштаб
И душу раздирающее горе.
Роднее прошлых лет и быть не может;
Родня по боли личного значения.
По той причине бой вести собрались
Местного значения.
«Не всяк, кто боль стерпел, с колен способен встать», –
За правду принимая, жалость проявляют,
Но понимают?
«Так что, усталость – преступленье?»
«Неужто не было подобного свершенья?»
«И всё ж не приходилось видеть их таких?»
На избавление заглядывающих.
«Слабость ли – от воспоминаний отстраненье?»
Да нужно ли искать тут объясненье?
Стерпимое для всех,
Особенно для глаз потомков,
Как новых звёзд на пепелище,
Как смысл жизни Богом данный, –
Чудная вещь,
Предмет исканий перманентных,
Оказывается так,
В обычной жизни он ненужным;
На тот момент, как оказалось тоже позже,

«вот, штука жуткая»,
Жестокие четыре года;
Так вот, тогда нужда была,
До этого ни разу.
И правды не найти,
Но я вопрос оставляю,
Пусть поставлен будет он.
Хоть не имею дозволения,
Ведь подле лакмуса я не держу.
А может, от того,
Что щёки не краснеют у меня.
Чуть ниже располагаю и ответ,
Границы одной строчки – линейный хребет;
Образов в мозгу кипенье,
В порядок приведенье,
Я дам себе ответ.

«Начало века, нулевые... тридцатые и роковые»

«Сороковые, роковые» –
Он этот сборник не держал,
Быть может, тоже б поддержал,
Пожалуй, время их раздвинуло, разбило,
Разбавило сиропом кровяным.
Бумажных дел мастак,
Не литератор, но обожатель,
Литературных дел искусности,
Научности и крит. работ знаток,
К тому же почитатель;
Не в уважении пробел,
Но в предпочтении слабел
Суровой сути хоз. работ
Эфемерности твор. дел.

Ни верноподданство – ни царская Россия,
Пришла на место лаконичность речи,
А вместе с ней солидность в свете,

Увесистость всех красных букв.

Согласен присягнуть –

Теперь он Гражданин,

В Пролетариате состоит,

Страны заступник уставной,

А если надо – армии рядовой.

Судьба за ухом дышит –

Неразделимый с человеком «разного» даритель,

В любое время сюжетный поворот напишет, –

Чуткий попечитель.

И, в общем говоря, мила,

Да, правда, есть одна зазноба –

Сквернее профанатора микроба.

Психическое напряжение как в бою,

Все вариации в одном строю:

Кто-то в эмиграцию, кому-то ссылка,

Первые на фронт, вторые под расстрел,

А Пятые остались...

Репрессии достались.

Их души равнодушны,

И созерцатель,

Бумажных дел верстатель, грустен,

Изнемогало в синеньких стенах искусство.

Одна душа за пару, их больше угасало.

Псалтырь – не надо,

Манифест как новое начало,

Чтобы начать, всё с белого листа,

Ждут белый стих на бис.

Читает и подписывается,

Да история не вписывается,

Вторично не прописывается,

Ушли те времена.

Под солнцем растекается небесный взгляд,

Вдали не кажется одна лишь пустота,

Там нет поддержки тёмных глаз;

Наперекор всему, приказ сердечный исполняется,
И потребленческий купон с успехом применяется,
Гроб поэзии эпох по плечам слоняется.

Однако упрекнуть нельзя –

Любовь, её в достатке

К Родине теперешней в упадке.

Непониманья свет лицо перекошил,

Сойти в могилу заявил.

И растворились все слова холёных рассуждений,

О том, как нестерпим несоответствий вид,

Не хватит сил тончайшей души организации

На все военные организации.

Губительны поэту, бумажнику вредны,

Однако их любви на все четыре света стороны,

Но не могли держаться фронта той войны.

Соц. строй вести готовы были,

И главное условие – их труд –

Пополняемый наук сосуд.

Чувствительность обострена,

Больного мозга зависть

Не погнушается, тем криминал взрастит,

И станет клевета доносом лживым.

Прощальный манифест

Бумаг верстателю - властителю

От синеньких тех стен,

Да кашицы цветенья тополей,

Запомнен неофициальный фронт,

Он в памяти хранён,

Была победа в нём.

В ту пору и ту кашу ел и мыслил

Позавчерашний выпускник,

Счастливый гражданин вчера,

Сегодням утреннем часу по счастью бывший – невозврат,

А значит, полноправный он солдат.

Надумал лучшее решенье, поступок братский он измыслив,

И возраст довершил до нужной единицы

Своей уверенной рукой.

Любил страну, свою семью,

Вон там страна, а в ней его ребята,

Любимы сердцу брата.

И для тебя

Попозже так

Я напишу:

«Покоен пейзаж вокруг,

И будь покоен ты,

Лежи.

Солдат, ты сделал

Всё, что смог»

«Всякая человеческая радость

Бандеролью отправлялась:

Денег выплаты, съестной паёк

И путёвка на курорт»

Только радость проходила быстро.

Похоже, мной раздуманная маза

Вовсе неказиста,

Да к тому ж ещё пятниста.

Ловкости не чувствуя,

Теплить томительно предчувствуя,

Как вариант – безызвестный адресант.

Если так, то отправленьё

Издания печати

Событий образных печали.

Ленты в пачке в качестве прищипки.

Признательна сполна,

Да только проку,

Не время делать хватки,

А долг в наличии,

И будучи в приличии,

Его не оплатить,
Душ живших не производить.

В человеческом беспорядке,
Не принимая жалоб на почты распорядки
Во время приведения вещей в порядок,
Сготовлю всю, до образца,
В указе сказанную бандероль.
Стемнеет пол – лица,
Хотя не посветлеет
Волевой контроль, –
И на ходящих рядом,
Никак не к ряду
Чуть прищурюсь, вроде сплю,
Сложу под ленту пару слов записки
Знакомец близкий «Ещё люблю»
(неувиденная фраза)
К общей боли в граммах плитку
Воспоминаний твёрдых без обёртки,
Жизни пройденный итог не положу в завёртки,
С собою захвачу заметку фактов с правдой,
Наставленьем поведенье озаглавлю.